

УДК 94
ББК 63.3(0)62

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ*

А.М. Филитов

Аннотация. *Статья освещает эволюцию концепции нации в послевоенной Германии (главным образом, в ГДР) и роль «советского фактора» в этой эволюции. Автор выделяет три последовательно сменявшихся друг друга этапа в этой эволюции: 1) взаимные претензии ГДР и ФРГ на роль единственно законных представителей немецкой нации; 2) ГДР и ФРГ как равноправные представители немецкой нации; 3) два государства в Германии как две отдельных сложившихся нации. Отмечается наличие двух подходов к данной проблеме в советском внешнеполитическом аппарате: концепция «новой социалистической нации» против концепции «два государства – одна нация». В конечном счете, была принята формула «развивающейся новой нации» в ГДР, которая подразумевала неокончательный характер размежевания двух германских государств и раскола немецкой нации.*

Ключевые слова: *ГДР, ФРГ, нация, Хрущев, международные отношения.*

NATIONAL ISSUE IN THE POST-WAR GERMANY

428

А.М. Filitov

Abstract. *The article touches upon the evolution of the nation concept in the post-war Germany (with the emphasis on the GDR) and the role of the “Soviet factor” in this process. The author defines three consecutive stages: 1) mutual claims of both German states to the role of the sole legitimate representative of the German nation; 2) the GDR and Federal Republic of Germany as equal representatives of German nation 3) “Socialist nation” in the GDR vs. “Capitalist nation” in FRG. Two competing approaches in the Soviet foreign policy apparatus are highlighted with “two nations” vs. “two states, one nation”. Eventually, the compromise formula of “new developing nation” in the GDR was adopted, which presumed the lack of finality in the separation of both German states and the disintegration of the German nation.*

Keywords: *GDR, FRG, nation, Khrushchev, international relations.*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ. Проект № 15-18-00135 «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности».

Поражение фашистской Германии во Второй Мировой войне вызвало глубокий кризис в национальном самосознании немцев. В западной ее части получила распространение идеология европеизма, выдвигавшая на первый план наднациональные ценности¹. На востоке, напротив, политический и идеологический дискурс концентрировался вокруг нового понятия немецкой нации, которое интерпретировалось как антитеза нацизму, с одной стороны, и тому режиму, который установился в западной части страны, с другой. Возникшее в 1949 г. на территории Советской оккупационной зоны государство – Германская Демократическая Республика – рассматривалось как оплот против грозящей с Запада «империалистической агрессии» и как образец для будущего единого национального германского государства. Эти представления, определявшие самосознание ГДР в первые годы ее существования, хорошо иллюстрируют тезисы статьи под броским названием «Кто такой патриот?», опубликованной в предназначенном для молодежной аудитории журнале “Junge Generation” («Юное поколение») В ней говорилось, в частности: «Наше отечество – это ГДР. В этой республике впервые в германской истории власть находится в руках народа. ... Это отечество воплощает собой будущее всей Германии, единой и неделимой немецкой нации. Любить свое отечество – значит поэтому любить ее (ГДР) со всеми ее прогрессивными до-

стижениями. Делать что-то для отечества – значит действовать на пользу ей (ГДР). Отечество немецких трудящихся надо защищать против любых наглых притязаний западногерманских империалистов ... Мы, немецкие патриоты, одержим победу над врагами нашего отечества, в борьбе против сил западногерманских монополистов и помещиков мы превратим всю Германию в страну трудящихся» [цит. по: 2, с. 512-513].

Уже ко времени публикации этой статьи (декабрь 1955 г.) обнаружилось, что расчеты на «победу над империалистами» и создания таким путем единого германского государства весьма далеки от реальности. Скорее, можно было опасаться за собственное существование ГДР как государства. Еще в период до ее образования начался исход значительного числа восточных немцев на запад («механическое движение населения», как это дипломатично формулировалось в отчете Советской Контрольной комиссии [3, с. 28]), он продолжился и после обретения Советской оккупационной зоной государственного статуса, вызывая явную озабоченность ее властей. Неслучайно в той же цитированной выше статье, наряду с призывом «любить ГДР», содержалось и суровое обвинение в адрес «предателей», которые ее покидают – «по злокозненным или эгоистическим мотивам». Вскоре эта пассивная форма сопротивления режиму («голосование ногами») дополнилась активными действиями по

¹ Трактовки национального вопроса в Западной Германии были прослежены в ранее опубликованной статье автора этих строк. См.: [1]. В данном эссе имеется в виду осветить эволюцию таких трактовок в официальных документах ГДР и СССР – как опубликованных, так и архивных.

противостоянию властям, вылившихся в июне 1953 г в то, что получило название «контрреволюционного путча» (согласно вокабуляру ГДР) или «народного восстания, что, конечно, ближе к истине.

Программа воссоединения путем «победы» над западным соперником стала в этих условиях неактуальной даже в виде пропагандистского лозунга. На смену ей пришла программа преодоления раскола страны (и, естественно, нации) путем сближения двух германских государств. Эта программа предполагала признание другого германского государства – ФРГ, как легитимного и равноправного партнера, что означало отход от прежней риторики о нем как «колонии США» и оплота «монополистов и помещиков». Этот отход становился тем более оправданным и необходимым, что его совершила держава-спонсор ГДР – Советский Союз, который в 1955 г. установил с ФРГ нормальные дипломатические отношения. Последовать этому примеру в буквальном смысле ГДР не могла, хотя бы потому, что не было никаких шансов, что ФРГ примет такое предложение: сразу же после нормализации отношений с СССР там была провозглашена «доктрина Хальштейна», которая грозила разрывом отношений любому государству, которое признало бы ГДР; понятно, что и для самой ФРГ такое признание было табу. Надо сказать, что руководство ГДР проявило определенную гибкость, выдвинув в 1960 г. на обсуждение программный документ под названием «Народный план для Германии». Суть его заключалась в том, что само по себе различие в общественном строе двух германских

государств не является принципиальным препятствием для восстановления единства Германии: «Конечно, наличие двух общественных систем в Германии представляет собой проблему, решить которую не просто. Однако если мы не хотим отказываться от воссоединения, то не остается другой возможности кроме как добиваться максимального сближения двух германских государств и их мирного сотрудничества ради преодоления раскола. В рамках этого сотрудничества будет происходить соревнование между обеими общественными системами, которое и покажет, какая из них более всего подходит немецкому народу» [4].

По сути, этот план предвосхищал идеи Дэн Сяопина о «двух системах, одном государстве», благодаря которым удалось решить проблему Гонконга и которые, возможно, смогут решить проблему отношений между КНР и Тайванем. В Германии он не прошел. Не в последнюю очередь потому, что появился в разгар острейшего международного кризиса, связанного с проблемой Западного Берлина. Определенная стабилизация наступила год спустя, когда началось построение «берлинской стены»; опасность военной конфронтации с участием великих держав была таким образом отодвинута (хотя и не снята окончательно, свидетельством чего стало «танковое противостояние» на внутриберлинской границе в октябре 1961 г.), однако для германо-германских отношений это событие означало дальнейшее их обострение. Речь шла не преодолении раскола, а о его углублении. Кстати, и выдвинутая Хрущевым в самом начале кризиса и поддержанная ГДР

идея превращения Западного Берлина в «демилитаризованный вольный город» в случае своего воплощения в жизнь означала бы лишь появление третьего государственного образования на территории Германии; получалось, что Германия была бы расколота уже не на две, а на три части, что, разумеется, трудно совмещалось с приверженностью делу ее воссоединения.

В этих условиях на смену «Народному плану» в марте 1962 г. пришел так называемый «Национальный документ» (официальное название: «Историческая задача ГДР и будущее Германии»). В нем говорилось, в частности: «Национальные интересы немецкого народа требуют устранения господства концернов, крупных банков и связанных с ними гитлеровских генералов... Победа социализма в ГДР, а позже – и в западногерманской Федеративной республике освободит наш народ от зловещего цикла – конъюнктура, кризис, война, освободит его навсегда от капиталистической эксплуатации, обеспечит единство нашего отечества и счастливую жизнь в условиях мира и социализма» [цит. по: 2, с. 514]. Из этих формулировок следовало, что воссоединение отодвигалось в неопределенное будущее, поскольку никаких перспектив на «победу социализма» в ФРГ (в том смысле, который вкладывался в это понятие в ГДР, – путем установления «диктатуры пролетариата» и т.д.) не просматривалось. Более того, речь шла, по сути, о возвращении к прежней концепции о ГДР как единственно возможном «образце» для будущей единой Германии, заранее заявленном «победителе» в соревновании с безнадежно отсталой

и реакционной ФРГ. Заметим, кстати, что в данном документе, как и вообще в принятом в ГДР официальном словоупотреблении никогда не фигурировало название другого германского государства в его полном виде, что должно было лишний раз продемонстрировать его ущербность и неполноценность.

Очень ярко этот подход отразился в распространенном в ГДР энциклопедическом словаре. Помещенная там статья «Германская Демократическая Республика» говорила о ней как о «социалистическом государстве в центре Европы, первом германском рабоче-крестьянском государстве», притом «единственно законном (rechtmäßige)». Что касается западного соседа, то ему давалось следующая характеристика: «Западная Г., государство (Федеративная республика) в центре Европы – германское сепаратное государство, возникшее 7.9.1949 г. вопреки решениям Ялтинской и Потсдамской конференций по указке западных оккупационных властей и с согласия представителей немецкого монополистического капитала и юнкерства ... Прогрессивные силы в Западной Г. под руководством находящейся на нелегальном положении КПГ и при поддержке ГДР борются против господствующего там клерикально-милитаристского режима за создание в западной Г. парламентарно-демократического порядка» [5, с. 552, 575, 586].

Подобные формулировки можно было понять как «симметричный ответ» на принятую в ФРГ «доктрину Хальштейна» и связанную с ней претензию на единоличное представительство всех немцев, однако такая позиция «острие на острие» исключала

ла всякую возможность разрядки в германо-германских отношениях: если каждое из германских государств считало себя единственно легитимным представителем немецкой нации и отказывалось признать другую сторону в качестве суверенного и равноправного партнера, то конфликт между ними принимал абсолютный характер и грозил серьезными осложнениями в международной обстановке центре Европы. Между тем, у возглавлявших противостоящие военно-политические группировки сверхдержав – СССР и США все больше давали себя знать опасения относительно того, как бы их союзники не втянули их в самоубийственную ядерную конфронтацию. Особенно эти опасения усилились после травматического опыта кубинского кризиса 1962 г. В отношениях между США и ФРГ это привело к настоящему дипломатическому скандалу, закончившемуся объявлением западногерманского посла в Вашингтоне персоной нон грата. В отношениях между СССР и ГДР открытого конфликта не последовало, однако ныне доступные архивные первоисточники свидетельствуют о наличии весьма серьезных расхождений между представителями обеих сторон – причем именно по национальному вопросу.

12 июня 1964 г. между СССР и ГДР был заключен Договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве. Предшествующая этому акту переписка между первыми лицами обоих государств – Н.С. Хрущевым и В. Ульбрихтом свидетельствует, что инициатива в данном случае исходила с немецкой стороны, которая считала, что «договор о дружбе должен будет подчеркивать роль ГДР как суверенного

государства и поборника национальных интересов немецкого народа». В сущности, речь шла об отступлении ГДР от максималистского и почти ультимативного требования о немедленном заключении мирного договора с СССР и прочими социалистическими странами. Такой договор действительно поднял бы статус и престиж ГДР, однако это грозило международными осложнениями, и Хрущев достаточно жестко указывал Ульбрихту на невыполнимость его требований [см.: 6, с. 250-255]. Получить если не мирный, то хотя бы какой-то договор с СССР стало для последнего своего рода «утешительным призом», хотя он и отдавал себе отчет, что сам по себе такой документ «не привнес бы с собой ничего принципиально нового» [7, л. 62-63].

Новое было привнесено не самим подписанием договора, а одним высказыванием Хрущева, которое тот сделал по этому поводу, а именно – о *неприменимости принципа национального самоопределения к германскому вопросу* [8] (курсив наш – А.Ф.). И это новое вызывало крайне болезненную реакцию в руководстве ГДР. Яркое выражение она получила в сохранившемся в архиве бывшей СЕПГ четырехстраничном меморандуме «Заметка к вопросу о «самоопределении»» от 3 ноября 1964 г. [9, л. 271-274]. Нетрудно понять, почему этот документ не появился раньше: пока Хрущев был у власти, вряд ли кто решился бы говорить о допущенной им «неудачной формулировке», зато после Октябрьского пленума ЦК КПСС такое могло только приветствоваться. Что же понимал автор документа (подпись под ним неразборчива, но, скорее всего,

речь идет о помощнике Ульбрихта по внешнеполитическим вопросам Г. Кегеле) под «нашей давно и точно разработанной линией и аргументации по данному вопросу», от которой де отступил бывший советский лидер? Ответ прост: «возникновение первого в Германии рабоче-крестьянского государства, его политика мира, его путь к социализму и т.д. – это и есть выражение того, что значительная часть немцев осуществила свое право на самоопределение», тогда как «в Западной Германии право граждан на самоопределение не соблюдается» [9, л. 271].

Своей формулировкой Хрущев действительно отступил от этой «линии и аргументации», но было ли отступлением от здравого смысла? По сути, он всего лишь выразил ту мысль, что немцы в обеих частях Германии уже «самоопределились», хотя и по-разному, что налицо два суверенных, равноправных государства, которые на этой основе и должны строить свои отношения. Кстати, сформулированная вполне корректно в упомянутом меморандуме от 3 ноября 1964 г. программа германо-германских отношений («оба германских государства должны нормализовать свои отношения, договориться об их характере, о своем сотрудничестве и в конечном счете – об условиях объединения» [9, л. 272]) логически вытекала именно из этой установки, а вовсе не из той, что одно государство уже осуществило свое самоопределение, а другое – его лишено. В этом смысле противоречие, скорее, можно найти у автора меморандума, чем у Хрущева. Тогдашний глава Советского государства лишь озвучил то, о чем докладывали со-

ветские дипломаты, аккредитованные в ГДР. Когда в бюллетене Ведомства печати и информации при правительстве ГДР появилась статья под «убойным» заголовком «Почему ГДР является единственно правомочным германским государством», это было расценено как свидетельство «продолжающейся неясности у немецких друзей в вопросе наличия двух суверенных государств» (информация Посольства СССР в ГДР от 30 мая 1962 г.) [10, л. 79]. Спустя неделю констатировалось: при подготовке «Национального документа» «наши замечания не были учтены. Друзья продолжают придерживаться мнения, что ГДР является единственно законным германским государством» (Информация Посольства СССР в ГДР от 5 июня 1962 г.) [10, л. 87]. Можно лишь задаться вопросом, почему Хрущев долгое время не реагировал на эту информацию. Возможно, сыграло роль его личное недоверие к тогдашнему послу СССР в ГДР М.С. Первухину, который на июньском пленуме ЦК КПСС 1957 г. поддержал «антипартийную группу». Сменивший его в декабре 1962 г. новый посол – П.А. Абрахимов продолжил попытки «образумить» руководителей ГДР, но предпочитал при этом самостоятельные действия, не апеллируя к центру. Как бы то ни было, к середине 1964 г. давно назревшая корректура в советскую позицию по германскому вопросу была, наконец, внесена – причем на самом высшем уровне.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что форма, в которой была выражена эта корректировка, оказалась далеко не оптимальной. Ее можно было трактовать не только в том смысле,

что немцы в обоих германских государствах уже осуществили акт самоопределения, но и в прямо противоположном – что ни в одном из них им такого права предоставлено не было, и более того – что такого права они и недостойны ввиду чудовищных преступлений, совершенных нацистской Германией. Разумеется, сам Хрущев такое вряд ли имел в виду (и вообще главное в его речи была полемика с реваншистами в ФРГ), однако подобные намеки, а порой, и прямые высказывания такого рода имели место и у политиков (конкретно в меморандуме назван в этой связи польский лидер В. Гомулка), и у журналистов (в частности, речь идет о Л. Безыменском²). В этом смысле указание автора меморандума на имеющуюся «путаницу» в вопросе о самоопределении немецкой нации, видимо, отражало реальное положение вещей.

Надо сказать, что эта путаница была со временем преодолена. К концу 60-х годов официальная позиция ГДР в национальном вопросе заключалась в том, что на востоке существует «социалистическое государство немецкой нации» (формулировка первой статьи новой, принятой 8 апреля 1968 г. Конституции ГДР), а на западе – «государство, находящееся под господством монополистического капитала», однако оба эти государства являются «самостоятельными и международно признанными» (формули-

ровки в статье В. Ульбрихта «Новая ситуация в западногерманской Федеративной республике и в отношении обоих германских государств» от 12 декабря 1969 г. [2, с. 516]). По сути, это означало отход от прежней позиции, когда такие понятия, как самоопределение и суверенитет, считались применимыми только к собственному, но никак не к другому германскому государству. Формула «два государства одной нации» наиболее адекватным образом отразила сложившуюся реальность и открывала путь к их равноправному сотрудничеству. Эту формулу буквально воспроизвел и новый канцлер ФРГ В. Брандт, что означало и для западногерманской стороны отход от прежней догмы о «единоличном представительстве всех немцев». Казалось бы, впервые с 1945 г. сформировался общегерманский консенсус по национальному вопросу. Однако, едва возникнув, он сразу же стал рушиться. Возникла новая идеологема: «два государства – две нации».

В западной историографии распространен тезис о том, что творцом этой идеологемы был фактический руководитель ГДР – В. Ульбрихт, и в доказательство приводят подписанный им проект Договора между ГДР и ФРГ о нормализации отношений от 17 декабря 1969 г. и его выступление на последовавшей месяц спустя пресс-конференции в связи с предстоявшей встречей глав прави-

² Об одном из высказываний такого рода сообщает в своих мемуарах видный советский и российский дипломат Ю.А. Квицинский. Как он вспоминает, второй секретарь Посольства СССР в ГДР В.Н. Белецкий заявил на одном из приемов в Западном Берлине, что «немцы сожгли свое право на самоопределение в печах Майданека и Треблинки». Заметим, что это было высказывание не журналиста, а официального представителя МИДа, что придавало ему гораздо большую значимость. См.: [11, с. 227].

тельств двух германских государств [12, с. 560]. Имеющиеся ныне мемуарные и архивные первоисточники позволяют скорректировать этот тезис. Первый из этих первоисточников – дневниковые записи одного из самых авторитетных «германистов» в советском МИДе – В.С. Семенова. Для рассматриваемой темы особый интерес представляет описание им процесса подготовки той самой речи Хрущева по случаю заключения Договора с ГДР, о которой шла речь выше и которая вызвала столь резкую реакцию со стороны ГДР:

«6 июня (1964 г. – А.Ф.) ...Вчера я сидел все время молча и записывал замечания. Но во время чтения речи на митинге сделал поправку к одному месту, касавшемуся нац. вопроса в Германии. Смысл поправки состоял в том, что надо учитывать факт формирования новой социалистической нации (в печатном тексте ошибочно говорится о “науке” вместо “нации”, что можно объяснить крайней сложностью расшифровки почерка автора – А.Ф.) в ГДР. Лебедев и Трояновский зашикали, что это “чепуха какая-то”. Я возразил спокойно, что это не чепуха. Он (речь идет не о А.А. Громыко, как считают публикаторы, а о Н.С. Хрущеве, поскольку все упомянутые им лица принадлежали к “ближнему кругу” Первого секретаря ЦК КПСС, а не министра иностранных дел – А.Ф.) вступил в спор, и, когда я заметил, что в Австрии сложилась отдельная нация, хотя австрийцы входили в прошлом веке в союз германских государств, он переспросил: “В Австрии?” Аджубей возразил: “Может быть, это и верно, но так сказать – неполитично”. И меня завалили» [13, с. 113].

Из этой записи следует, что подлинным автором идеи «двух германских наций» был советский дипломат. Следует из нее и другое: в середине 1960-х гг. эта идея поддержки не получила. Зато она активно стала муссироваться к концу десятилетия и особенно с начала 1970-х. Дневниковые записи В.С. Семенова, относящиеся к этому периоду, не содержат столь ярких зарисовок закулисных дебатов по германскому вопросу, а с назначением его главой советской делегации на переговорах с США по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-1) главное место в них заняли вопросы, связанные с этим новым кругом обязанностей. По интересующей нас тематике можно отметить лишь строки, написанные 6 марта 1969 г. по итогам очередной встречи с руководителями ГДР: «Оставляя в стороне политическую сторону дела, место которой не в личном дневнике, могу признать, что в голове моей зреют дерзкие мысли по целой цепи европейских, германских и мировых дел. Правда, я не уверен, что цепь и мысли верные и что они пройдут, но я человек упорный и не так легко выбить из башки то, что в ней рождается. И тут будет дальнейшая цепь столкновений, безымянных и прикрытых, но существенных. И Вальтер (Ульбрихт – А.Ф.) это понимает, не скрывая своего враждебного отношения к нашим концепциям, потому что я, как я вижу, он националист, притом довольно опасного свойства» [14, с. 91].

Документы, отложившиеся в Архиве внешней политики Российской Федерации, дают возможность расшифровать то, что в данном случае имелось в виду. Один из таких доку-

ментов – справка 3-го Европейского отдела МИД СССР от 7 января 1970 г. «О согласовании с немецкими друзьями проекта договора об установлении равноправных отношений между ГДР и ФРГ». Из текста справки следует, что упомянутое «согласование» имело место в Москве 2-3 декабря 1969 г. в ходе совещания руководителей стран – участниц Организации Варшавского договора (ОВД) и состояло в том, что «подготовленный немецкой стороной проект договора подвергся серьезной доработке». Одно из основных изменений, внесенных в первоначальный текст, состояло в том, что «в преамбуле снято упоминание о “государствах немецкой нации”» [15, л. 1]. Напомним: отсутствие в тексте этого проекта упоминания о «немецкой нации» традиционно приводилось как одно из доказательств «антинациональной» инициативы Ульбрихта. Теперь же выясняется, что во внесенном им проекте он не отступил от концепции «два государства – одна нация» (за что, видимо, и получил от Семенова характеристику «националиста»), тогда как «доработка» его проекта вполне соответствовала семеновской концепции о «новой нации» в ГДР. Как выясняется из других документов АВП РФ, самым жестким оппонентом Ульбрихта на упомянутом форуме выступил руководитель польской делегации В. Гомулка, продолжив таким образом ту линию, которая еще в 1964 г. вызвала справедливые нарекания со стороны помощника Ульбрихта Г. Кегеля. Таким образом, у концепции Семенова оказался сильный союзник.

Таким союзником оказался и тогдашний посол СССР в ГДР П.А. Аб-

расимов. На протяжении всего следующего года он и его сотрудники буквально бомбардировали центр предупреждениями об «общегерманских иллюзиях» и потворстве «националистическим настроениям» со стороны руководства ГДР. Приведем в качестве примера несколько отрывков из одного из таких документов:

«...а) Необходимо, как и прежде, последовательно осуществлять дальнейшее размежевание с ФРГ во всех областях как генеральную линию СЕПГ в национальном вопросе... Мы хотели бы обратить внимание немецких товарищей на то, что в последние два года имеет место определенное свертывание работы по размежеванию с ФРГ при одновременном вольном или невольном прекращении внимания на общегерманскую тематику. Это не принесло ничего, кроме издержек, прежде всего во внутригерманском плане. Представляется необходимым, чтобы друзья продумали и последовательно осуществили весь комплекс мер по разрыву еще существующих внутригерманских общностей, в частности, в области экономики, права, науки, культуры и т.д.

б) По нашему мнению, настало время начать теоретическую разработку и широкую пропагандистскую подготовку населения ГДР к восприятию тезиса о постепенном складывании в ГДР социалистической нации...

в) ...В последнее время...приходится наблюдать, что друзья уменьшили свою идеологическую борьбу с идеями современного социал-демократизма, в то время как их проникновение в ГДР с Запада явно усилилось.

г) ...Надо добиваться того, чтобы среди широких слоев населения республики была ясность в том, что отношения с ФРГ для ГДР являются не главным, а одним из подчиненных направлений внешней политики» [16, л. 50-52].

В заключение документа тревожный тон достигает максимума: «Нас беспокоит и то, что в последнее время среди некоторой части населения ГДР отмечается известный рост неприязненных, а порой и враждебных высказываний в адрес Советского Союза и Группы советских войск в Германии. По имеющимся у нас сведениям, и у значительной части военнослужащих Национальной Народной армии ГДР недостаточно воспитаны чувства классового единства и братства по оружию с Советской Армией» [16, л. 58].

Характерно, что в документе несколько раз высказывается персональная критика в адрес Ульбрихта, а в другом материале такого рода против него даже выдвигается обвинение чуть ли не в тайном сговоре с идеологическим противником: «Имеются данные о том, что люди из ближайшего окружения т. Ульбрихта по его указке изыскивают каналы для установления доверительных личных контактов с руководством СДПГ» [17, л. 7].

Материал для обвинений в адрес «первого лица» в тогдашней ГДР советский посол черпал из контактов с теми представителями ее элиты, которые к тому времени сформировались в довольно сплоченную группу, ставившую своей целью свержение Ульбрихта и замену его на Э. Хонеккера, что и произошло на Пленуме ЦК СЕПГ 3 мая 1971 г. В отставку

был отправлен и его советник Г. Кегель, который, как считали противники Ульбрихта, оказывал на того «дурное влияние». Выдвинувшийся на роль главного пропагандиста ГДР А. Норден выдвинул формулу, вполне соответствующую «концепции Семенова»: отношения «между двумя немецкими нациями» определяет «историческая тенденция к (их) размежеванию» [18].

Интересную сравнительную оценку двух конкурировавших концепций национального вопроса в Германии (условно говоря «ульбрихтовской» и «семеновской») дал в своих мемуарах представитель младшего поколения советских дипломатов-германистов Ю.В. Квицинский: «Далеко глядел Ульбрихт и в национальном вопросе. Он считал недопустимым для СЕПГ снимать вопрос о воссоединении. В то время как наши теоретики во главе с В.С. Семеновым в 1960-е гг. бросились доказывать, что в ГДР складывается новая социалистическая немецкая нация и вопрос о воссоединении теряет всякую актуальность... Ульбрихт упорно гнул свою линию. Разумеется, он не хотел никакого воссоединения, прекрасно сознавая, что ГДР будет поглощена ФРГ. Но, понимая взрывоопасность национального вопроса в условиях Германии, он упорно выстраивал всякого рода политические схемы воссоединения... Он не хотел выпускать и саму эту проблему, и политическую инициативу в германском вопросе из своих рук, считал необходимым в случае любого обострения национальных дел иметь продуманную до деталей и инициативную программу действий. В этом он был глубоко прав. Имей мы вместе с СЕПГ в 1989 г. та-

кую схему, кто знает, как повернулось бы дело, не сумела ль бы ГДР выкрутить на ту или иную форму конфедерации с ФРГ» [11, с. 214].

Возможно, мемуарист несколько преувеличил положительные стороны в подходах Ульбрихта к национальному вопросу и возможности их применения в ситуации конца 1980-х – начала 1990-х гг. Но, пожалуй, более серьезная претензия касается того обстоятельства, что с советской стороны из всех дипломатов-германистов в данном контексте упомянут один Семенов, фигура которого волей-неволей воспринимается таким образом как монополюсно определявшая установки всего советского внешнеполитического аппарата. Однако это было далеко не так. Прежде всего, следует сказать о мнении (или мнениях) научно-экспертного сообщества – ячейки зарождавшегося еще в советское время гражданского общества. Конкретный пример – выступление советского ученого-германиста Д.Е. Мельникова на страницах западногерманского журнала «Шпигель» против идеи «размежевания» между двумя германскими государствами в тот самый момент, когда национальный вопрос столь остро встал на повестку дня на рубеже 1960–70-х годов. Упомянутый Абрасимов отреагировал на это выступление телеграммой в центр, явно имея в виду, что должно последовать незамедлительное наказание «еретика». Однако такого не последовало. Заведующий 3-м Европейским отделом МИД СССР В.М. Фалин «закрыл дело» резолюцией чисто формального свойства: «Просьба усилить внимание к публикациям советских авторов по германской тематике, в том числе в

советской прессе». Никакого осуждения в адрес Д.Е. Мельникова высказано не было [19, с. 27-28].

Вряд ли можно считать случайностью и тот факт, что панические депеши Абрасимова, примеры которых приводились выше, просто списывались в архив без всяких комментариев. Молчание в данном случае, конечно, не было знаком согласия. В некоторых случаях архивные документы свидетельствуют о том, что с советской стороны выражали прямое несогласие с крайностями политики «размежевания». Речь идет, в частности, о своего рода рецензии, составленной в ЦК КПСС на проект Отчетного доклада VIII съезду СЕПГ ее нового лидера ГДР Э. Хонеккера. Критике подвергается там целый ряд «новаций». В аспекте нашей темы особый интерес представляет следующий фрагмент: «На наш взгляд, целесообразно уточнить фразу на стр. 38, где излишне категорически утверждается, что «на немецкой земле сегодня существуют две принципиально разные нации: развивающаяся социалистическая нация в ГДР и буржуазная нация в ФРГ». Вернее было бы провести такую мысль: две части расколотой немецкой нации развиваются в противоположных направлениях. В ГДР развивается социалистическая нация, а народ ФРГ, который находится под господством монополистической буржуазии, существует как буржуазная нация» [20, л. 177]. При всей идеологической нагрузке посыл был ясен: о «двух нациях» говорить преждевременно, в данный момент существует одна немецкая нация, пусть и «расколотая». В общем, эта трактовка была принята в ГДР (при-

веденная выше точка зрения Нордена – скорее исключение). Во всяком случае, в новом энциклопедическом словаре, изданном в ГДР уже при Хонеккере, представлена трактовка, соответствовавшая рекомендациям Москвы: «Германская Демократическая Республика (ГДР) – социалистическое государство, в котором развивается социалистическая немецкая нация» [5, с. 144].

Думается, наличие этой компромиссной формулировки по национальному вопросу в какой-то мере облегчило и процесс объединения страны. Что касается раскола нации, то этот феномен, или, по крайней мере, значительные элементы такового, сохраняются и в условиях единого германского государства. Однако это предмет исследования уже для социолога и политолога, а не историка³.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Филитов, А.М.* Германская нация и германское национальное сознание в исторической ретроспективе [Текст] / А.М. Филитов // Национальная идея на европейском пространстве в XX веке / Отв. ред. Е.Ю. Полякова. Т. 2. – М.: ИВИ РАН. 2005. – С. 151-172.
2. *Judt M. (Hg.)* DDR-Geschichte in Dokumenten. Beschlüsse, Berichte, interne Materialien und Alltagszeugnisse. Bonn, 1998.
3. СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из российских архивов. В 4-х т. Т. IV [Текст]. – М., 2012.
4. Neues Deutschland. 17. April 1960.
5. Meyers Neues Lexikon in Acht Bänden. Bd. 2. Leipzig. 1962.
6. *Фурсенко, А.А.* Россия и международные кризисы: середина XX века [Текст] / А.А. Фурсенко. – М., 2006.
7. Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der ehemaligen DDR im Bundesarchiv (SAPMO-BA). DY 30/3513.
8. Известия. 1964. 13 июня.
9. SAPMO-BA. DY 30/3497.
10. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 5. – Оп. 49. – Д. 487.
11. *Квицинский, Ю.А.* Время и случай. Заметки профессионала [Текст] / Ю.А. Квицинский. – М., 1999.
12. *Kippe, J.* Die deutsch-deutsche Beziehungen aus Sicht der DDR // W. Weidenfeld / H. Zimmermann (Hg.). Deutschland-Handbuch. Eine doppelte Bilanz 1949–1989. Bonn, 1989.
13. От Хрущева до Горбачева. Из дневника Чрезвычайного и Полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семенова [Текст] / Публикация Е.В. Семеновой и Б.Л. Хавкина Ч. 1 // Новая и новейшая история. – 2004. – № 3.
14. От Хрущева до Горбачева. Из дневника Чрезвычайного и Полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семенова. Публикация Е.В. Семеновой и Б.Л. Хавкина. Ч. 2 // Новая и новейшая история. – 2004. – № 4.
15. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 0742. – Оп. 15. – П. 95. – Д. 19.
16. Посольство СССР в ГДР – товарищу БРЕЖНЕВУ Л.И., копия – товарищу ГРОМЫКО А.А. 7 августа 1970 г. К предстоящей встрече с делегацией ЦК СЕПГ // АВП РФ. – Ф. 0742. – Оп. 15. – П. 96. – Д. 22.
17. Посольство СССР в ГДР – А.А. ГРОМЫКО. Только лично. 31 июля 1970 «К вопросу отношений между ГДР и ФРГ и нашей возможной линии в этой связи» // АВП РФ. – Ф. 0742. – Оп. 15. – П. 96. – Д. 22.

³ Эти исследования идут, как правило, в русле поисков сходства и различий в ценностных ориентациях и самоидентификации граждан. Согласно исследованиям конца 1990-х гг., жителей бывшей ГДР отличает меньший интерес к религии и тенденция считать себя в большей степени «восточными немцами», чем просто «немцами». Насколько устойчивы данные феномены – вопрос спорный. См.: [21, с. 439-440].

18. Neues Deutschland. 20. März 1973.
19. АВП РФ. – Ф. 0742. – Оп. 15. – П. 95. – Д. 48.
20. SAPMO-BA. DY 30/3530.
21. Thomas R. / Weidenfeld W. Identität // W. Weidenfeld / K.-R. Korte (Hg.). Handbuch zur deutschen Einheit 1949–1989–1999. Bonn, 1999.

REFERENCES

1. Filitov A.M., “Germanskaja natsija i germanskoje natsionalnoje soznanije v istoricheskoj retrospektive”, in: *Natsionalnaja ideja na evropejskom prostranstve v XX veke*, Vol. 2, ed. E.J. Poljakova, Moscow, 2005, pp. 151-172. (in Russian)
2. Cit. ex.: Judt M. (Hg.) *DDR-Geschichte in Dokumenten. Beschlüsse, Berichte, interne Materialien und Alltagszeugnisse*, Bonn, 1998.
3. *SSSR I germanskij vopros. 1941–1949. Dokumenty iz rossijskih arhivov*, in 4 Vols, Vol. IV, Moscow, 2012. (in Russian)
4. *Neues Deutschland*. 17. April 1960.
5. *Meyers Neues Lexikon in Acht Bänden*, Bd. 2, Leipzig, 1962.
6. Fursenko A.A., *Rossija I mezhdunarodnyje krizisy: seredina XX veka*, Moscow, 2006. (in Russian)
7. *Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der ehemaligen DDR im Bundesarchiv (SAPMO-BA)*. DY 30/3513.
8. *Izvestija*, 1964, June 13.
9. SAPMO-BA. DY 30/3497.
10. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii (RGANI)*, F. 5, Inv. 49, File 487.
11. Kviscinskij Y.A., *Vremja i sluchaj. Zametki professionala*, Moscow, 1999. (in Russian)
12. Kuppe J., Die deutsch-deutsche Beziehungen aus Sicht der DDR, W. Weidenfeld, H. Zimmermann (Hg.), *Deutschland-Handbuch. Eine doppelte Bilanz 1949–1989*, Bonn, 1989.
13. Ot Khrushcheva do Gorbacheva. Iz dnevnika Chrezvychainogo i Polnomochnovo posla, zamestitelja ministra inostrannyh del SSSR V.S. Semjenova. Publikatsija E.V. Semjenovoj I B.L. Havkina. Part 1, *Novaja i novejšaja istorija*, 2004, No. 3. (in Russian)
14. Ot Khrushcheva do Gorbacheva. Iz dnevnika Chrezvychainogo i Polnomochnovo posla, zamestitelja ministra inostrannyh del SSSR V.S. Semjenova. Publikatsija E.V. Semjenovoj I B.L. Havkina. Part 2, *Novaja i novejšaja istorija*, 2004, No. 4. (in Russian)
15. *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federatsii (AVP RF)*, F. 0742, Inv. 15, Folder 95, File 19. (in Russian)
16. Posolstvo SSSR v GDR – tovarischchju BREZHNEVU L.I., kopija – tovarischchju GROMYKO A.A. 7 avgusta 1970 g. K predstojaschchej vstreche s delegatsijej TSK SEPG, *AVP RF*, F. 0742, Inv. 15, Folder 96, File 22. (in Russian)
17. Posolstvo SSSR v GDR – A.A. GROMYKO. Tol’ko lichno. 31 ijulja 1970. “K voprosu ot-noshenij mezhdu GDR i FRG I nashej voz-mozhnoj linii v etoj svjazi”, *AVP RF*, F. 0742, Inv. 15, Folder 96, File 22. (in Russian)
18. *Neues Deutschland*. 20. März 1973.
19. *AVP RF*, F. 0742, Inv. 15, Folder 95, File 48. (in Russian)
20. SAPMO-BA. DY 30/3530.
21. Thomas R., Weidenfeld W. Identität, W. Weidenfeld, K.-R. Korte (Hg.), *Handbuch zur deutschen Einheit 1949–1989–1999*, Bonn, 1999.

Филитов Алексей Митрофанович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории, Российская академия наук, a_filitov@mail.ru

Filitov A.M., ScD in History, Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, a_filitov@mail.ru